

Часть первая

Глава 1

Ольга Алексеевна Слепнева не любила смотреться в зеркало. Поэтому делала это всего два раза в день: утром и вечером, когда умывалась после пробуждения и перед сном. Сейчас было утро, и она стояла перед раковиной с зубной щеткой в руке.

— Мама, — послышалось из-за двери, — ты скоро?

— Да, — коротко ответила Ольга и принялась чистить зубы.

— Как скоро? — не отставал сын.

— Через минуту выйду!

— Значит, через шестьдесят секунд? Я засекаю... Раз, два, три, четыре...

Пока сын считал, Ольга успела сполоснуть рот и намылить лицо. А вот на то, чтобы смыть «Детское» (она пользовалась только им, игнорируя всевозможные новинки, активно рекламируемые по телевизору), времени не хватило. А все потому, что Саша вел счет в ускоренном темпе.

— Все! Минута вышла! — прокричал он, слив последние три цифры в одну: «пятьвосьдешесят».

— Дай мне еще одну, пожалуйста.

— Нет!

— Саша, мне так понравилось, как ты считаешь. Хочу послушать еще раз. Только сделай это помедленнее, хорошо?

Сын быстро согласился, хотя она ожидала от него капризов. Сегодня Саша был в дурном расположении духа. Поэтому и донимал мать. Он плохо спал из-за кошмаров и пробудился с головной болью, которую с трудом сняли две таблетки сильного анальгетика. Именно в такие дни с ним было особенно трудно...

В другие не так...

А легко — никогда.

Ольга умылась, вытерла лицо полотенцем. Ее длинные седоватые волосы растрепались. Она расчесала их и собрала в пучок на затылке. На то, чтобы сделать прическу, у нее уходило не больше десяти секунд.

— Шестьдесят! — услышала Ольга Алексеевна из-за двери и отодвинула щеколду.

Выйдя из ванной, она увидела Сашу. Он сидел на полу прямо напротив двери. Его худые ноги были вытянуты. Он, как обычно, был бос, несмотря на ледяной пол — отопление уже отключили, а на улице в столь ранний час было около ноля градусов. Ольга Алексеевна постоянно твердила сыну о том, что нужно обуваться в тапки или хотя бы носить носки, но он не любил ни того, ни другого. Дай ему волю, он бы и по улице босиком ходил.

— Надень тапки, — бросила Ольга, перешагнув через ноги сына, чтобы пройти на кухню.

— Не хочу, — привычно ответил он.

— Блины на завтрак получают только те, кто слушается маму.

— То есть, если я не обуюсь, ты...

— Не буду печь тебе блинов.

— Но это нечестно, ты мне вчера обещала...

— Саша, надень тапки, — строго проговорила Ольга.

Сын тяжело вздохнул, затем встал и потопал в прихожую.

А она вынула из холодильника блинное тесто и начала готовить завтрак.

...Ольгой Алексеевной она стала в двадцать два, когда пришла работать в школу по окончании пединститута. По имени-отчеству ее называли не только ученики, но и коллеги. У них в коллективе все обращались друг к другу официально даже в тех случаях, когда в учительской не было никого, кроме преподавателей: ни школьников, ни родителей, ни представителей РОНО, например. И только выходя за школьный порог, педагоги превращались в Свет, Лен, Ань. Все, кроме Ольги Алексеевны. Вне стен учебного заведения она не общалась ни с кем из своего коллектива. Если только по рабочим моментам. Во всевозможных междусобойчиках она участия не принимала. Ее, недавно устроившуюся на работу, позвали на пикник, но Ольга отказалась, и на этом все закончилось. Больше никаких предложений участвовать в совместных посиделках не поступало. Коллеги ее не то чтобы невзлюбили, просто держались от нее на расстоянии...

Или она от них?

Ольга всегда была нелюдистой. Дикаркой, как говорила ее мать. Или же, по мнению бабушки, вещью

в себе. Оле не нравились оба сравнения. Она и не дикая, и не вещь. Просто... На своей волне. Это определение она придумала сама...

— Мама, смотри, я в тапках! — услышала Ольга Алексеевна голос сына и обернулась. Саша стоял в дверях кухни, гордо демонстрируя ей свои «чуни». Это название закрытой домашней обуви с опушкой по краю дал когда-то ее дед. Оля его подхватила, а за ней и сын.

— Молодец. Но если бы ты еще и штаны надел, было бы вообще здорово.

— А я не знаю, где они...

— Висят на спинке кресла, возле твоей кровати.

— Там не черные, в которых я обычно хожу, а голубые. Я их испачкаю. Лучше уж с голыми ногами поем, кожу отмыть легче. А на светлой ткани могут следы остаться. Так ведь?

Саша иной раз довольно здраво рассуждал. И Ольге Алексеевне казалось, что ее сын вполне нормален. Но это было не так...

— Тебе варенье или мед? — спросила она, отправляя очередной готовый блин на тарелку. Ее сын любил печево со сладостями.

— Джем яблочный, — ответил он и облизнулся.

— Ты его съел. — Видя, как Саша набычился, Ольга поспешно выпалила: — Но есть яблоко. И если его порезать и полить медом, будет как джем.

Сын просиял. Ольга Алексеевна открыла холодильник, достала из него грушовку и быстро ее измельчила. В вазочку, куда она нарезала яблоко, добавила ложку гречишного меда и поручила Саше все

перемешать. Пока тот, высунув язык, делал это, она заваривала чай.

Сыну исполнилось сорок, а он был сущим ребенком. Причем не самым смышленным.

Ольга Алексеевна родила его в двадцать два от любимого мужа. Его звали Ларионом. Вот так, и никак иначе. На Ларика и Лари он не откликался.

Это был ее ученик. Оле двадцать два, ему шестнадцать с половиной. Она тогда подменяла преподавательницу географии. И когда вошла в класс, сразу обратила внимание на этого парня. У него в волосах седина была — снежно-белая прядь на длинной черной челке, именно она бросалась в глаза первой, а уж потом все остальное: необыкновенной синевы глаза, алый рот и крапины веснушек на тонкой переносице.

Ларион был очень красивым парнем. Но одноклассникам не нравился из-за скверного характера. Он был высокомерен, язвительен, а порой жесток. Если жалил словом, то так больно, что девочки плакали. А так как его фамилия была Слепнев, то и кличка к нему прилипла подходящая — Слепень. Когда он увидел молодую учительницу, вошедшую в класс, то нацелил свое жало на нее. Только выпущенный в Ольгу яд не принес ей никакого вреда. Она была не просто в броне, а в отражающих доспехах. На каждую колкость Слепня отвечала двумя. И все они были такими тонкими, что никто в классе, кроме Лариона, не понял, что над ним издеваются.

Они пикировались весь урок. Потом еще один, состоявшийся через день. Слепень с нетерпением ждал третьего, но географичка к тому времени выздорове-

ла, и Ольга Алексеевна больше у них не преподавала. Спустя пару недель Ларион встретил ее после уроков и, отобрав тяжелый портфель с тетрадками, пошел провожать до дома. При этом вел себя как паинька. Почему, сам не понимал. Тогда он еще не знал, что влюбился...

Они стали близки за неделю до выпускного. Занялись сексом в библиотеке, куда оба явились в конце дня: Ларион — сдавать учебники, она — их принимать — Ольга подменяла очередную захворавшую коллегу. После короткого сумбурного секса на столе, заваленном книгами, они поняли, что созданы друг для друга.

Замуж за Лариона Ольга вышла на третьем месяце беременности. Парня для того, чтобы брак зарегистрировать, из армии вызывать пришлось. А вот когда сын родился, его не отпустили. Проштрафился и был лишен отпуска. Так что Сашеньку Ларион увидел, когда тому уже полгода исполнилось.

То, что ребенок отстает в развитии, стало ясно не сразу. Саша ничем не отличался от сверстников и пошел даже раньше некоторых детей. Говорить он также начал вовремя. Вот только понять его одна Ольга могла. Их отправили к логопеду. Тот с Сашей долго занимался, после чего перенаправил к другому врачу. Этот поставил диагноз «деменция», иначе говоря, слабоумие. И предположил, что развилась болезнь после травмы головы. Ребенка якобы роняли. Оля возмутилась. Она знала, что Саша не получал таких серьезных травм, которые привели бы к слабоумию. Поэтому отвела сына к другому специалисту. Тот

поставил диагноз «аутизм» и сказал, что это врожденное.

Ольга и этого врача посчитала некомпетентным. Дети, зачатые в большой любви, не рождаются больными. Таково было ее убеждение. Ее Саша просто не такой, как все. Чудак. У него свой образ мышления и язык. Она его понимает, и это значит, что научить его тому языку, на котором изъясняются остальные, те, что как все, — ее материнская миссия.

Она усердно с ним занималась. Изо дня в день. Когда забирала из детского сада (он был в спецгруппе — в другую его не брали), усаживала Сашу за стол и начинала уроки. И года не прошло, как сын стал понятно изъясняться. Он немного заикался и не выговаривал букву «р», но этим грешат и «нормальные» дети его возраста. Зато ее мальчик немного читал и писал простые слова, типа «мама», «папа», «Саша». Ему на тот момент едва исполнилось пять.

Ольга Алексеевна очень гордилась сыном. А вот муж его стыдился. И пытался убедить ее в том, что Саша никогда не станет нормальным. Поэтому предлагал отдать его в интернат, а не в обычную школу, как планировала Оля. Ларион вообще к сыну всегда относился прохладно. Даже когда еще никто не мог предположить, что Саша ребенок проблемный. Видимо, отец был слишком молод. А уж когда стало ясно, что сын не такой, как все, Ларион сразу предложил Оле отдать Сашу в детский дом инвалидов. Она тогда с ним чуть не развелась. Но поскольку любила, то простила. И стала доказывать мужу, что их сын не хуже других.

Когда Саша, шестилетний, стоя на табурете у новогодней елки, вместо четверостишия отгарабанил таблицу умножения, Ольга Алексеевна подумала, что муж это оценит. И поймет, как она права. Плод их любви никакой не отсталый, а как раз наоборот... Но Ларион, когда жена стала вымогать (он употребил именно это слово) у него комплименты в адрес Саши, сказал:

— Сними розовые очки, Оля. Наш сын аутист. И, как большинство детей с таким диагнозом, обладает феноменальной памятью. Для него запомнить таблицу умножения раз плюнуть...

12

— Диагноз поставлен некомпетентным специалистом! — возмутилась Оля. — Наш сын вполне нормален. И только ты этого не замечаешь...

— Это ты не замечаешь, что он ненормален, — возразил Ларион. После того как они чуть не развелись, он предпочитал помалкивать, когда жена заводила разговор о сыне. Вне дома Ларион оставался тем же Слепнем, высокомерным, язвительным, порой жестоким, хотя с Олей научился быть если не душевным и добрым, то все же терпимым. Но сегодня он выпил шампанского, вот и не сдержался. — Наш сын умственно отсталый! Признай уже это.

— Все воспринимают Сашу как обычного ребенка. И отмечают, что он очень развит для своего возраста, — не сдавалась Оля.

— Ты говоришь о случайных знакомых. Тех людях, с которыми ездешь в автобусе или дожидаясь своей очереди в магазине. Они не знают Сашу. Видят его десять-двадцать минут, пусть полчаса. Те

же, кто сталкивается с ним постоянно, Ореховы из соседней квартиры, моя мама, воспитатели, доктора, наконец, — все они понимают: Саша не совсем нормальный ребенок, но с ним очень много занимаются. Оля, даже дебила, а наш сын, слава богу, не так сильно отстает в психическом развитии... так вот, даже дебила можно обучить. Если бы с ним кто-то возился столько же, сколько ты с Сашей, он смог бы заучить таблицу умножения.

— Не смог бы!

— Даже попугаи могут повторять то, что слышат! Запоминают фразы и воспроизводят их.

— Наш сын применяет таблицу. Он считает.

— Но впадает в ступор, если ломается карандаш, которым он пишет. Я видел, как вы занимаетесь. И вольный пересказ ему не дается. Я спросил как-то, о чем сказка «Золушка». Он не смог в нескольких предложениях мне ответить. Как сделал бы любой ребенок. Саша принялся воспроизводить по памяти текст...

Они долго спорили в ту новогоднюю ночь, но так ничего друг другу и не доказали. Могли бы разругаться вдрызг, да шампанское, которое Ларион в горячке допил, сыграло свою благую роль. Глава семьи размяк и вместо того, чтобы продолжать словесные баталии, увлек Олю на супружеское ложе...

Через девять месяцев в их семье случилось пополнение — родился еще один сын, Славка.

Надо сказать, что Ольга своей беременностью не обрадовалась. Более того, она хотела сделать аборт. У нее муж-студент. Сын... э... не такой, как все... Нет,

совершенно определенно, она не могла себе позволить — ни морально, ни физически, ни материально — еще одного ребенка. Потому что все на ней. Ларион что? Ни денег в дом, ни помощи по хозяйству. Знай строчит какие-то рассказы да притчи философские, хотя учится на радиоинженера. Хорошо еще, что она его в школу сторожем пристроила. А то бы он в семейный бюджет вклад вносил лишь своей стипендией. Но его учеба подходила к концу. Оставалось каких-то полгода. Оля уже мечтала о том, как они заживут, когда Ларион устроится на работу по окончании института... плюс ее две ставки... можно будет даже на море съездить... И тут! Бах! Беременность!

Первая мысль была — аборт. Она поделилась ею с мужем. Но тот — в штыки. Рожай, и все тут. Оля не знала тогда, что супруг давно мечтал еще об одном ребенке... *НОРМАЛЬНО!*

Вячеслав таким и родился. Здоровым во всех отношениях чадом. Поэтому Оля со спокойной душой отдала его семимесячного в ясли, чтобы поскорее выйти на работу. И дело было не в деньгах. Хотя и в них семья нуждалась. Ольга Алексеевна пристроила-таки Сашу в обычную школу, в которой сама преподавала, пусть и в коррекционный класс, и взяла этот класс себе (чтобы этого добиться, она три месяца проходила специальное обучение). Так что в школу они с Сашей пошли вместе.

— Мама, — услышала Ольга голос сына и стряхнула с себя воспоминания о далеком прошлом. — Мам, ты что, не слышишь?

— Что? — уточнила она. Звуки до ее ушей доносились разные: начиная от тарактения холодильника и заканчивая ором ворон за окном. Оля не знала, какой именно привлек ее сына. Это мог быть и «топот» тараканов, который никто, кроме него, не слышал. В детстве Саша постоянно жаловался на то, что он мешает ему спать. Она считала, что у сына феноменальный слух. Ларион же, когда Саша в очередной раз поднял их среди ночи, чтобы пожаловаться на то, что тараканы его разбудили своим топотом, с раздражением выпалил: «Они бродят только в твоей голове!»

— Всё, — выдохнул Саша.

— Что всё?

— Он замолчал.

— Да кто... кто замолчал? — Вариантов было несколько: ворон, что каркал, соседский телевизор, слышимый в их квартире, кран, иногда подкапывающий... таракан, бродящий в голове Саши...

— Человек, который умирал... Он дышал вот так... — Саша набрал полную грудь воздуха и с хрипом его вытолкнул из легких. — А теперь замолчал.

— Где умирал? Кто? — испуганно переспросила Ольга.

— Тот, кого мы знаем. Его больше нет. Он испустил дух...

И, замерев, стал шарить глазами по кухне. У Ольги мурашки по телу побежали...

Ее сын еще и призраков видит?

— Он где-то рядом, — пробормотал Саша. И тут его глаза уперлись в потолок. — Там!

— Кто?

— Мертвец.

И, шумно выдохнув, принялся доедать свой завтрак.

— Саша, объясни, пожалуйста, в чем дело? Ты что-то услышал, да? Или почувствовал?

Сын пожал плечами.

— Что за человек, как ты выразился, минуту назад испустил дух?

Но Саша как будто ее не слышал. Его вниманием завладела яблочная косточка. Он взял ее с тарелки и стал рассматривать на свет с таким вниманием, будто в его руках как минимум бриллиант, или как максимум новая форма жизни. В такие минуты до него невозможно было достучаться, но Ольга Алексеевна собралась предпринять еще одну попытку, когда в дверь заколотили...

Именно так!

Не постучали, не позвонили, что привычно, а именно заколотили...

Тра-та-та-та-та!

Да настойчиво так, нетерпеливо, если не сказать нервно.

Ольга вздрогнула всем телом. А Саша продолжил свое занятие. Только как-то странно усмехнулся. Будто знал, кто пришел и зачем.

Ольга Алексеевна прошла в прихожую и распахнула дверь.

На пороге она увидела соседку Машу Орехову. Ольга ее не любила. Именно эта женщина когда-то поставила под сомнение нормальность Саши и, убе-

дившись в том, что он умственно отсталый, растрезвонила об этом всем во дворе. А ведь кое-кто из соседей, живущих в других подъездах, воспринимал его как обычного ребенка. Ольга так и не простила этого Ореховой. Хотя с тех пор прошло несколько десятков лет.

— Ольга Алексеевна, беда! — выпалила соседка. Она величала ее по имени-отчеству, хотя была на два года старше.

— Что случилось?

— Муж мой труп нашел. — И она ткнула пальцем вверх. Туда, где зияла открытая дыра люка, ведущего на чердак — они жили на последнем этаже. — Полез антенну поправлять, а то помехи у нас...

— Труп? — переспросила Оля.

— Да. Еще теплый. Будто человек умер каких-то несколько минут назад.

— Бомж?

— Нет, не похож! Одежда на нем приличная. Руки чистые. Лица муж не увидел, покойник на животе лежит. Но судя по не очень густой седине в волосах, ему лет сорок или около того.

— Молодой еще. Что с ним могло случиться?

— Так убили его!

— Что вы говорите?

— Да он в луже крови лежит.

— Надо полицию вызвать.

— Уже.

— Спасибо, что предупредили, — бросила Ольга, намереваясь закрыть дверь, но Орехова ее придержала.

— К вам никто не должен был прийти? — спросила она торопливо.

— Сейчас?

— Да.

— Нет. А что?

— Муж сказал, будто бы мужчина показался ему смутно знакомым.

— Но он же не видел его лица.

— Да, но на шее у него татуировка, чайка какая-то, что ли? Когда муж упомянул об этом, я сразу вспомнила, что молодой человек с такой же наколкой иногда захаживал к вам.

— К нам заходил молодой человек с татуировкой сокола.

— Может, это он. Птица, в общем.

Ольга Алексеевна мысленно возмутилась — как можно спутать сокола с чайкой? Но тут же отбросила эту мысль, сосредоточилась на другой и... Вскрикнула!

— Что такое? — испугалась соседка.

— А волосы у него какого цвета?

— У сокола? — неуверенно протянула Орехова.

— У покойника!

— Темные с проседью, — ответил за нее муж, вышедший в подъезд не в своем привычном одеянии — семейных трусах и майке-тельняшке, а в спортивных штанах и футболке. Приготовился встречать полицию. — А на макушке круглая маленькая плешь...

Оля кивнула.

— Это мой бывший ученик Костя Перфилов... — проговорила она.

Тот, кого они хорошо знают!

Глава 2

Боря не верил своим глазам.

Даааа лаааадно?

Так, нарочито растягивая «а», говаривала его последняя пассия, если во что-то не верила.

— Я не купил тебе спортивную тачку не потому, что пожадничал. Просто ты отвратительно водишь и на такой машине разобьешься.

— Да ладно!

— Отдых на Галапагосах круче, чем на Пкухете.

— Да ладно!

— Земля крутится вокруг Солнца, а не наоборот.

— Да ладно!

Эту фразочку Боря вспомнил, стоя на Пресненской набережной и глядя на махину «Москва-Сити».

В родном городе он не был десять лет, и этот строящийся деловой район он видел впервые. И, надо сказать, он ему нравился.

...Из Москвы Боря уехал в тридцать. Предложили хорошую работу в Швеции, и он, недолго думая, рванул за рубеж. Три года в Хельсинборге прожил, затем два в датском Копенгагене и столько же в германском Дрездене. Вкалывал, как проклятый, по двенадцать-четырнадцать часов. Практически без выходных. Когда они выпадали, Боря отсыпался. Отдыхал два раза в год. Всегда уезжал куда-нибудь на тропические острова. И там отрывался по-настоящему... по-русски! Мог нажраться вхлам и сплясать на барной стойке. Послав обслугу, запрыгнуть ночью голым в бассейн. Усесться на крышу такси и кататься так по городку. Отвалить проституткам-негритянкам сотню

баксов только за то, что они споют «калинку-малинку». Там, на отдыхе, он общался только с соотечественниками, выискивая их по всем курортам. Когда же возвращался «домой», то держался от русских подальше. Свяжешься с ними, будет не до работы. А Боря не мог позволить себе расслабляться. У него была цель! Когда Борис уезжал из России, он сказал себе: если к сорока я не стану богатым, то брошу все и подамся в бомжи. Потому что считал: свободными могут быть только те, у кого много денег, и те, у кого их нет вовсе.

Боря был отличным специалистом. К тому же трудолюбом. Поэтому он очень много зарабатывал. А вот тратил мало — было некогда. Другой бы на его месте открыл накопительный счет в банке и перечислял на него половину своей зарплаты. Но Боря, имея цель разбогатеть, вкладывал средства в акции, а также инвестировал в проекты, порой весьма сомнительные. Ему везло! Он ни разу не терял денег. Бывало, ничего не зарабатывал, но вложенные средства возвращал всегда. В тридцать семь Боря переехал в Прагу, заключив очередной двухлетний контракт. Но у фирмы, нанявшей его, спустя семь месяцев начались серьезные трудности. Владелец, бестолковый парень, получивший бизнес в наследство после гибели отца, не умел вести дела. В итоге некогда серьезная, процветающая фирма стала терпеть убытки, терять клиентов и лучших работников. Хозяин решил от нее избавиться. Поручил Боре подыскать покупателя. Тот быстро нашел такового. И спустя каких-то пару меся-

цев... стал новым владельцем, оформив покупку через подставное лицо.

За год Боря вернул фирме былое процветание. Продай он бизнес в тот момент, получил бы как минимум двойную прибыль. Но он решил оставить фирму себе. На место генерального посадил толкового мужика из давних коллег, а сам, как он выражался, отправился на заслуженный отдых. Боря, конечно же, держал руку на пульсе, но особенно не напрягался. Предприятие приносило стабильную прибыль, и он мог считать, что добился своей цели. К сорока годам он стал богатым!

...Боря бросил последний взгляд на башни «Москва-Сити», развернулся и пошел к стоянке. Он решил не подходить ближе и уж тем более не подниматься на смотровую площадку, как планировал сначала. Издали новый район впечатлял, но Боря не сомневался, что если рассмотреть здания вблизи, то в глаза полезут такие огрехи строительства и отделки, что испортится все впечатление. В России многое за десять лет изменилось, но вряд ли в ней перестали халтурить.

Он уселся в арендованную «Ауди». Завел мотор. Часы на приборной панели показывали десять двадцать. Вроде уже и не так рано. Но Боря привык к европейскому времени, отстающему от российского на два часа, поэтому даже проголодаться не успел. И решил попить чаю с чем-нибудь вкусеньким. А уж полноценно поест он часа через четыре.

Вырулив со стоянки, Боря покатил в сторону метро «Охотный Ряд». Неподалеку от станции находилась кофейня, где подавалась отличная выпечка. Главное же, кроме всех этих штруделей и тирамису, в ассортименте были и плюшки, и ватрушки, и ромовые бабы, и маковые слойки, пропитанные медом. Все, от чего Боря успел отвыкнуть за те десять лет, что жил в Европе.

... Кто бы знал, как он устал от этой Европы! Усталость копилась постепенно. Медленно и почти незаметно. Нарастала как пыль. Сначала она не мешала особенно. Он даже не замечал ее. Потом стала раздражать. Пока, если проводить параллель с пылью, не довела до удушья.

Он помнил день, когда это случилось.

Боря сидел в пивнице (так называют пивные в Чехии) неподалеку от Карлова моста. Погода стояла чудесная, и он вышел на террасу. Взял себе «бехеровки» и кофе. Закурил. Чехия — рай для пивоманов. В каждой крупной пивнице варили свой хмельной солодовый напиток. Боря перепробовал все. И отметил, что чешское пиво лучше немецкого, не говоря уже обо всех остальных. Вот только он не был любителем. Полулитровую кружку осиливал, но не более. Он с удовольствием пил крепкие напитки в небольших количествах. Ту же «бехеровку».

Отхлебнув из стопки, Боря затянулся. Курил он с малых лет, ни разу не пытаясь бросить, разве что уменьшить дозу до десяти сигарет в день. Но не получалось. Пачка уходила железно. Иногда больше. Он

курил, попивал то настойку, то кофе и наблюдал за людьми.

Естественно, в массе своей это были туристы. Преимущественно из Китая. Когда-то, в общем-то не так давно, русских было не меньше. Но в его родной стране грянул кризис, и бывшие «совки» перестали активно путешествовать. От чего пострадали не только они, но и пражане. Что взять с китайцев? Пронесутся толпой по центру, снимая все на свои гаджеты, и утром они уже в другом городе, а скорее стране, потому что каникулы или отпуск у них малы, а посмотреть хочется много. Они не пьют, мало едят, не тратят деньги на всякую ерунду, не ходят по клубам и уж тем более не гоняют ночами на ретроавтомобилях, аренда которых стоит восемьсот крон в час.

Боря любил Прагу за ее красоту. Но она раздражала его своим унынием. Когда схлынул поток русских туристов, стало ясно, что город этот хоть и прекрасен, но... скорее мертв, чем жив. В нем нет драйва. Нерва. Стремления к развитию. Сумасшедшинки, в конце концов. Русские ушли. А если уйдут китайцы? И немцы? И арабы, которых не так много, как, к примеру, в Испании? Что останется? Безупречная готическая архитектура с примесью итальянского барокко? Апостолы, что маршируют под бой астрономических часов на Староместской площади? Утки, гуси и лебеди, жирующие на берегах Влтавы? Богемское стекло? Чудесное пиво? Вепрево колено (знаменитое чешское блюдо — запеченная свиная нога)?

Да кому это все нужно, если не туристам? Разве что пиво... чехи большие его любители.

Зачахнет Европа без русских. В этом Боря не сомневался. А без русских красавиц... просто вымрет!

Борю затошнило. Не от «бехеровки», которая была вкусна, не от кофе или сигарет, от скуки...

Что он делает в этом красивом, но унылом городе?

И тут он увидел ЕЕ!

Боря обожал красивых женщин. Но не всех. Правильные черты лица и гармоничная фигура не могли привлечь его внимание. Этого не хватало, чтоб его зацепить. Он реагировал на... телочек! Хоть и не был на родине десять лет, но смотрел российские каналы по «тарелке», читал публикации в Интернете и знал, что именно так называют сексуальных куколок, без которых не обходится ни одна модная тусовка. Они юны, прекрасны, ухоженны, а скорее, «тюнингованы» (минимум накладными ресницами, максимум силиконовыми грудями), одеты во все облегающее и ультракороткое и одержимы одной целью — отхватить себе папика. Да, они поверхностны, зачастую беспросветно глупы, корыстны, но невероятно притягательны. Даже налет вульгарности, по мнению Бори, телочек не портил, а придавал им пикантности. Как плесень сыру, например.

Среди европейек таких девушек крайне мало. Но пока Боря вкалывал, его это не особенно беспокоило. Он довольствовался курортными романами с отвязными русскими девочками, порой встречаясь с ними за спиной их папиков. В Швеции же он вел почти монашеский образ жизни. А в Германии ему повезло

с приходящей уборщицей. Этническая немка из Казахстана, она была хороша, сексуальна, игрива и, что немаловажно, в отличие от телочек, не алчна. Боря спал с ней раз в неделю, и девушка ни разу не потребовала прибавки к жалованью, премии за сверхурочные, не говоря уже о каких-то подарках. Он сам преподносил их ей на праздники. Жаль, что она через год вышла замуж и переехала, и Боре пришлось вернуться к «целибату». Когда он переехал в Чехию, все изменилось. В Праге было много русских. А также украинок и белорусок — в общем, «наших» девочек. И Боря дважды не устоял, закрутил роман сначала с петербурженкой, что приехала наслаждаться красотами чешской столицы, иначе говоря, туристкой, и киевлянкой, работавшей в ресторане «Хилтон» официанткой. Обе девочки были хороши и очень Боре нравились. Но ни с одной он не пожелал жить. Считал, что это вообще не для него — заводить отношения с продолжением, иначе говоря, серьезные. Ни разу он их не попытался построить. Даже не жил ни с кем. Оставлял девушек у себя на день-два, да. Сам, бывало, ночевал у них, а то и на неделю-две зависал. Но ключей никому не давал (и не брал их ни у кого, соответственно), вещи не перетаскивал (и у себя не разрешал ничего оставлять, а намеренно забытое либо выбрасывал, либо возвращал, в зависимости от ценности), расставаясь на пороге, не говорил о новой встрече. Пока... и все!

Когда Боря достиг уровня финансового благополучия, о каком он мечтал, женщины стали появляться в его жизни чаще. Причина проста — у него

появилось время. Не средства — именно время. Ибо денег на женщин он никогда не жалел. В разумных пределах, конечно. Он был симпатичен, элегантен, воспитан, умен, одно это давало ему фору. А еще Боря мог красиво «подкатить»: хорошо угостить, устроить романтик с катанием на лошадях или ретроавто, подарить цветы. Даже телочки, возможно, особенно они, в душе своей романтичные дурехи. Если ты устроишь им праздник или приключение (какая принцесса не грезит о благородном пирате?), они станут твоими на несколько ночей. А большего Боря и не хотел!

26 До поры до времени...

И вот он сидит на веранде пивницы возле Карлова моста, пьет «бехеровку» и курит. Еще он смотрит на туристов, с тоской думая о том, что в связи с кризисом в России Европа потеряла не только деньги, но и красоту в лице русских туристок. Глаз не радуется, натываясь на всех этих немок, англичанок, тех же чешек из провинции. Они все казались Боре мужиковатыми. Со стрижками или хвостиками, без макияжа или с очень незаметным, в мешковатых одеждах и обуви без каблучков, они не очень отличались от своих спутников противоположного пола. Пожалуй, те даже были ярче. И вот среди этой серой массы...

Будто в стае галок...

Появляется жар-птица!

Джинсы в стразах обтягивают длинные ноги, как вторая кожа. Высокие сапоги на шпильке. Коротенькая золотистая курточка с пушистым воротником из лисы. Куртка задирается, и виден пупочек, в котором

поблескивает сережка с крупным камнем. Выбеленные волосы вьются по ветру. Над ресницами стразики. Губы пламенеют...

Сразу ясно, что она из России. Но не русская. По крайней мере, не чистокровная. Волосы от природы темны, кожа смугла, а глаза, пусть и серые, убегают уголками к вискам. Кто-то из родителей азиат: татарин или казах.

Боря так пристально смотрел на «жар-птицу», что она не могла этого не заметить. Приостановилась. Оценила. Сначала часы и зажигалку, потом самого Бориса. Осталась всем довольна и села за соседний столик. Вытащила из сумки сигареты, стала искать зажигалку. Естественно, Боря дал ей прикурить...

С этого и началось их знакомство.

Ее звали Лола. Мать русская, отец балиец, а не татарин или казах (хотя могла и соврать — телочки любят нагнать дыму). В Прагу приехала в гости к подружке, на пару недель. Боря забрал Лолу от нее на третий день. Поселил у себя. Когда она собралась улетать, порвал билет (не его, конечно, он был электронный, а распечатку) и сказал — ты остаешься. Лола не стала возражать. Какая телочка откажется от такого подарка? Вроде и папик, но относительно молод, хорош собой, холост... и бесконечно влюблен!

Они прожили вместе почти полгода. Если точнее, пять месяцев и один день. А потом Лола исчезла. Оставив после себя привычный бардак, кучу шмоток из прошлой коллекции и надпись на зеркале помадой «Шанель» — «Прощай!».

Он звонил ей, но телефон был выключен. Он искал ее в Сети, блуждая по сайтам, на которых она выкладывала тонны своих фоток, но аккаунты были либо заблокированы, либо неактивны. Он посылал ей мысленные сигналы — вернись, Лола, вернись, — но и они растворились во Вселенной, не достигнув цели...

Боря горевал две недели и, устав от этого, взял билет до Москвы и улетел в родной город.

В нем он пробыл уже два дня и, адаптировавшись, собрался встретиться с давними друзьями. Усевшись за столик кофейни и сделав заказ, Боря стал звонить по телефонам, что у него имелись.

Друзей у него было четверо. Нет, не так...

Тех, кого он считал друзьями, было четверо. Со всеми он познакомился еще в начальной школе. Пока Боря жил в России, они были неразлейвода. Потом, конечно, отделились, но не потерялись. Двое приезжали к нему в гости. А вот Костя Перфилов, с кем он особенно когда-то дружил, не мог, ибо был невыездным. Но они созванивались. Именно с ним особенно часто.

Поэтому Косте Боря позвонил первому.

Гудки шли нормальные, но никто не отвечал. Боря собрался уже дать отбой, как в динамике раздалось:

— Алло!

— Костян, здорово!

— Это не Костян.

— Нет? А кто тогда?

— Сержант Сергеев, полиция.

— Костян опять вляпался? — простонал Боря. Его друг имел неприятности с законом с малолетства.

— Да. И серьезно. Его убили.

Боря смежил веки и сделал глубокий выдох. Гнев, страх, душевную боль — все отрицательные эмоции он представлял дымом и выталкивал из себя. Это помогло успокоиться.

— Алло, вы меня слышите?

— Да, — ответил Боря сдавленно. — Как Костя умер?

— Ему перерезали горло. И знаете где? На чердаке дома, в котором живет ваша учительница. Вы ведь одноклассник Константина, я прав?

— Да, откуда вы?..

— К вашему контакту прикреплен фотография, на которой стоят пятеро мальчишек в школьных формах с октябрятскими звездочками. Я понял, это Константин с друзьями. Один из них по логике вы.

— Точно. Мы вместе учились. Значит, Костю убили в доме Ольги Алексеевны?

— Именно.

— Как она?

— Держится молодцом. С ней сейчас мой коллега беседует. К вам у нас тоже несколько вопросов будет. Сможете подъехать в отделение?

— Давайте я на место преступления подъеду? И с вами поговорю, и Ольгу Алексеевну поддержу.

— Если успеете в ближайший час...

— Буду максимум через полчаса, я недалеко.

— Хорошо, рулите сюда. До встречи.

Сергеев отсоединился. А Боря, не дождавшись приказа, покинул кафе, бросив на стол пару купюр.

Глава 3

У него было странное имя...

Амón.

Амон Андреевич Боровик.

Когда он представлялся, каждый второй переспрашивал:

— Как-как? Антон? Арон?

— Амон, — четко проговаривал он, — правильно произносить именно Амон, с ударением на втором слоге, а не на первом.

Кто помнил историю Древнего Египта, сразу интересовались, не в честь ли бога солнца Ра его назвали. Амон подтверждал. Это было на самом деле так. Его отец Андрей Геннадьевич Боровик был историком. Особенно его привлекал Древний Египет. Будучи студентом, он участвовал в археологических раскопках у берегов Нила. Их группа нашла тогда много интересного. И даже ценного. Причем не только с исторической точки зрения. Например, один из сокурсников Боровика обнаружил шлем военачальника из чистого золота. Если бы это происходило не в жизни, а в кино, его бы непременно украли какие-нибудь джентльмены удачи, типа Доцента, Хмыря и Косого. Только эти были бы смуглыми чернявыми арабами. Скорее всего, бедуинами. Но в реальности все обстояло иначе. За раскопками наблюдал представитель египетской стороны, и сразу, как только был обнаружен шлем, он сделал звонок куда надо. Через два часа из Каира вертолетом прибыла военная бригада.

Шлем, как историческая и культурная ценность, тут же был отправлен в столицу.

Впрочем, все, что находилось в недрах египетской земли, принадлежало государству. Даже осколок простого кувшина, в который набирали воду крестьяне. Поэтому сокрытие его считалось чуть ли не преступлением. Но некоторые все же припрятавали какую-нибудь ерундовину, типа той же частички домашней утвари. На память! Андрей Боровик пошел дальше. Он присвоил себе золотую пластину с изображением бога Амона с головой гуся — гусь считался символом мудрости в Древнем Египте — и умудрился вывезти ее из страны. С тех пор она стала его талисманом. Молодой историк заметил, что сразу после возвращения из Египта ему стало везти. Во-первых, в аэропорту он познакомился с удивительной девушкой, тогда как до этого ему не везло даже с обычными. Во-вторых, бабка завещала квартиру именно ему, хотя у нее были еще внуки, не говоря о детях. В-третьих, его отчет о практике был признан лучшим и отправлен на соискание какой-то общесоюзной студенческой премии.

Спустя год с небольшим Андрей Боровик женился, переехал в отдельную квартиру, стал аспирантом и начал преподавать. Когда супруга, та самая удивительная девушка, встреченная им в аэропорту, сообщила ему о своей беременности, молодой муж уже знал, как назовет ребенка, если это будет мальчик. Амон. В честь бога солнца. И как ни уговаривала его жена дать чаду менее экстравагантное имя, Андрей остался непреклонным. Только Амон. И точка. Пришлось жене смириться. Не разводиться же из-за это-

го? Лучше бы дочь родилась, думала женщина. Для дочки Андрей тоже не совсем обычное имя придумал — Авдотья, — но оно хотя бы русское.

На свет появился мальчик. Амон. Как ни странно, похожий на египтянина, чернявенький, хотя родители были светлыми. Но у Андрея отец был жгучим брюнетом, и Амон, видно, в него пошел.

... Или же в своего тезку... бога солнца Ра?

Когда мальчику исполнилось пять, у Боровиков появился новый член семьи, Авдотья. Через много лет сестра Амона упрекнула родителей в том, что они дали ей неподходящее имя. Оказалось, она все детство страдала оттого, что ее зовут нетрадиционно: не Олей, Светой, Наташей, а Авдотьей. И мечтала имя поменять. В отличие от Амона. Ему нравилось его редкое «божественное» имя. Оно выделяло его из толпы. Амону с малых лет нравилось быть не таким, как все.

Теперь ему сорок. Исполнилось вчера. Эту дату отмечать не принято. Но Амон вообще не любил торжества по случаю дня рождения. Старался уехать в другой город, а лучше в страну, чтобы не думать, где собрать гостей, чем угостить, а заодно избавлял друзей и родственников от проблемы, что ему подарить. Но вчера он находился в Москве, родители и сестра с семьей нагрянули к нему в гости с цветами и презентами. Амон повел всех в ресторан, потому что дома угостить их было нечем. Благо он жил в центре, и в шаговой доступности находилось много приличных заведений. Он выбрал арабский ресторан. А где еще человек, названный в честь древнеегипетского